

Исполнение Россией постановлений Европейского Суда по правам человека: количество, не переходящее в качество

Анна Деменева

В статье рассматриваются категории дел, содержащих структурные проблемы нарушения Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод, исследуются результаты принятия государством мер во исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека, анализируются причины их неэффективности. Автором также предлагаются правовые и организационные средства совершенствования механизма реализации обязательств государства, возникающих из постановлений Европейского Суда.

→ *Механизм реализации норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод; эффективность выполнения государственных обязательств; статус постановлений Европейского Суда*

К июню 2009 года количество дел, рассмотренных Европейским Судом по правам человека в отношении России за 7 лет, превысило 750. В подавляющем большинстве постановлений Европейский Суд установил нарушение одной или нескольких статей Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней. При этом в практике Суда по делам против России четко обозначились структурные, из раза в раз повторяющиеся нарушения — так называемые «дела-клоны». Повторяемость дел — явный признак неэффективности существующего национального механизма реагирования государства на установленные нарушения. На рассмотрение «клоновых» российских дел постоянно тратит свои ресурсы Европейский Суд по правам человека, изменяя своему предназначению формировать единые стандарты толкования и применения Конвенции и, по сути, подменяя не сработавшую российскую систему защиты прав. Россия также тратит организационные и финансовые ресурсы для защиты по отдельным делам в Суде, в то время как только создание эффективной национальной стратегии исполнения постановлений Суда и реализации общих обязательств по Конвенции может

привести к переходу от количества рассмотренных дел к качественному изменению ситуации.

Анализируя практику государств — членов Совета Европы по устранению установленных Судом нарушений и принятию мер к их предотвращению в будущем, можно сделать вывод, что в общем виде меры, направленные на исполнение постановления Европейского Суда, представляют собой следующую систему:

— меры индивидуального характера, предпринимаемые государством для приведения ситуации в прежнее состояние, существовавшее до нарушения (*restitutio in integrum*). Действия государства направлены на устранение нарушения именно в отношении заявителя и чаще всего включают организационные, процессуальные или административные меры (пересмотр дела в национальном суде с обеспечением необходимых гарантий, отмену высылки из страны, отмену иных решений или мер, вынесенных или примененных к заявителю в нарушение требований Конвенции). В случае, когда меры *restitutio in integrum* неприменимы в силу характера нарушения (например, при установлении факта пыток),

они заменяются справедливой компенсацией. Выплата справедливой компенсации также применяется и наряду с попытками восстановления ситуации в прежнее состояние;

— меры общего характера, предпринимаемые государством для предотвращения дальнейших нарушений Конвенции и предотвращения направления аналогичных жалоб в отношении государства. Они, в свою очередь, способствуют реализации общего обязательства государства по статье 1 Конвенции и могут быть условно подразделены на меры законодательного и практического характера:

- меры законодательного характера применяются государством в случае, если из мотивировочной части постановления Европейского Суда следует, что примененное в ситуации заявителя национальное законодательство противоречит смыслу и духу Конвенции либо необходимое законодательство отсутствует. Такие меры также применяются в некоторых других случаях, когда государство считает, что практических и административных мер будет недостаточно для изменения негативной практики;

- меры практического характера достаточно разнообразны, они могут включать: письма и инструкции исполнительных органов власти о запрете применения тех или иных положений законодательства до приведения закона в соответствие с Конвенцией; разъяснения, как толковать национальное законодательство в свете правовых позиций Европейского Суда; информирование правоприменительных органов о постановлении Суда, доведение его содержания до компетентных органов и до широкого круга граждан; применение правовых позиций Европейского Суда непосредственно правоприменительными органами государства по аналогичным делам; использование дипломатических сношений для устранения и предупреждения нарушений; создание специальных органов для усиления внутренней системы защиты; проведение реформ по управлению государственными учреждениями и их финансированию; обучение специалистов применению правовых позиций Суда в национальном правоприменительном процессе и т. д.

Очевидно, что наибольшая эффективность в сфере исполнения государством своих международных обязательств будет достигнута и при принятии мер исполнения по конкретным

делам, и при повсеместном регулярном ориентировании деятельности всех своих органов на правовые позиции Суда в рамках национального правоприменительного и законодательного процессов.

Для определения ключевых проблем действующей системы реализации постановлений Европейского Суда в России необходимо проанализировать дела, содержащие системные нарушения, национальное нормативное регулирование вопросов правовых последствий для России постановлений Европейского Суда по правам человека, распределение полномочий властных органов в сфере реализации постановлений Суда и фактически предпринимаемые государством меры.

1. Неисполнение решений российских судов

Неисполнение решений национальных судов — наиболее часто встречающееся нарушение среди установленных Европейским Судом в отношении России. Количество таких постановлений составляет около 40 % от всего количества рассмотренных российских дел. В России самым незащищенным является взыскатель, которому государство по судебному решению должно выплатить сумму из казны: установленный российским законодательством порядок взыскания средств с государственного органа не обладает необходимыми признаками принудительного взыскания, так как судебные приставы-исполнители полностью отстранены от участия в процессе взыскания по такой категории дел, и взыскатель самостоятельно должен представлять в Министерство финансов РФ исполнительные документы, решение суда и реквизиты своего банковского счета, не имея никаких методов воздействия на должника.

В приложении к Резолюции Комитета министров Совета Европы ResDH(2004) содержится информация, представленная властями Российской Федерации по результатам исполнения постановления по делу Бурдов против России¹. В качестве принятых мер общего характера российские власти указали следующие: правительство выплатило задолженность, накопившуюся в результате неисполнения внутренних судебных решений о выплате компенсаций и пособий жертвам Чернобыля, оказавшимся в положении, ана-

логичном положении заявителя (в целом, в период между январем и октябрем 2002 года было выплачено 284,6 миллионов рублей). Власти выполнили 5 128 других внутренних решений об индексации пособий, выплачиваемых жертвам Чернобыля; правительство усовершенствовало свои бюджетные процедуры с тем, чтобы можно было предоставить необходимые средства органам социального обеспечения и дать им возможность выполнить их финансовые обязательства, предписанные аналогичными постановлениями. Новый закон, вступивший в силу 29 апреля 2004 года, предусматривает новую систему индексации пособий, связанную с уровнем инфляции, используемую для расчета федерального бюджета на следующий финансовый год. Российские власти также указали, что постановление по делу Бурдова опубликовано в «Российской газете», основном официальном периодическом издании, в котором публикуются все законы и положения Российской Федерации и которое широко распространяется во всех органах власти².

Постановление по делу Бурдова стало основой позиции Конституционного Суда в его постановлении по делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»³. Вслед за постановлением Конституционного Суда РФ правовые позиции Европейского Суда по делу Бурдова стали применять и суды общей юрисдикции. Так, в решении Псковского городского суда Псковской области от 28 октября 2003 года указано следующее: «Ответчик не учитывает, что присужденные истцу суммы являются его собственностью, и ответчик не вправе удерживать их, затягивая получение сумм истцом. Сроки судебного разбирательства ответчик не вправе изменять. В эти сроки включается и период исполнения решения суда. Данные выводы суда подтверждаются п. 40 и п. 34 Постановления Европейского Суда по правам человека от 7.05.2002 г. № 59498/00 по делу “Бурдов против России”. При этом суд исходит из того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и система-

тический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов, в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ № 5 от 10.10.2003 г.»⁴.

Подобные акты национальных судов иллюстрируют, как права индивида могут быть защищены с применением правовых позиций Европейского Суда по правам человека еще на национальном уровне и как может быть предотвращено потенциальное обращение заявителя в Европейский Суд. Но дальнейшая практика рассмотрения Европейским Судом дел в отношении России показала, что принятых мер было явно недостаточно, чтобы решить проблему неисполнения национальных решений в России. Вслед за постановлением по делу Бурдова было принято большое количество постановлений в отношении Российской Федерации, где установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с неисполнением актов национальных судов⁵.

Данная ситуация привела Комитет министров в сентябре 2006 года к необходимости принятия Меморандума «Неисполнение актов, вынесенных российскими судами: общие меры по исполнению постановлений Европейского Суда», в котором анализируются причины структурной проблемы неисполнения национальных решений в России и предлагаются меры по исправлению ситуации⁶.

В Меморандуме, в частности, отмечается, что основные источники проблемы сводятся к неэффективности работы судебных приставов, отсутствию координации между различными государственными органами при исполнении решения, отсутствию в судебном решении ясного указания на то, какой именно орган является должником, отсутствию средств на счетах должника, недоступности бюджетных средств для исполнения решения. Анализируя систему исполнения решений национальных судов за счет казны, установленную федеральным законом, принятым 27 декабря 2005 года № 97-ФЗ⁷, Комитет министров Совета Европы отметил, что данный закон не содержит никаких прав взыскателей для ис-

пользования принудительной процедуры в отношении государственных органов. Судебные приставы не имеют компетенции по вопросам исполнения таких решений, и кардинальным образом система не изменилась, для того чтобы предотвратить множественные нарушения, установленные Европейским Судом в отношении России⁸.

Обращая внимание России на опыт других государств в решении проблемы неисполнения национальных судебных актов, Комитет министров предложил ряд рекомендаций по оптимизации процедуры исполнения решений о взыскании денежных средств с государства, в частности совершенствование бюджетного процесса и практического исполнения бюджетных решений: российские власти неоднократно признавали, что причина неисполнения решений — не общая нехватка денежных средств в государстве, а сложность бюджетного процесса в Российской Федерации. Комитет министров в качестве возможных путей решения проблем указывает установление в законодательном порядке обязательства запрашивать дополнительное финансирование в случае отсутствия бюджетных средств, создание специального федерального фонда и/или специальных резервных строк бюджета, чтобы обеспечить быструю выплату должнику сумм в соответствии с судебными актами, установление ответственности за отсутствие средств, судебное разрешение споров между федеральными и местными властями. В качестве второй группы мер в Меморандуме рассматривается необходимость обеспечения эффективной компенсации за просрочку исполнения.

Рекомендации конвенционных органов направлены на то, чтобы максимально обеспечить государство методической помощью в создании эффективной системы, в последующем предупреждающей направление аналогичных жалоб в Суд. Однако в 2007–2008 годах количество постановлений по указанной проблеме в отношении России только увеличилось. Это может объясняться тем парадоксом, что если денежные суммы на выплаты компенсации по постановлениям Европейского Суда по правам человека в бюджете государства предусмотрены, то суммы на исполнение национальных судебных решений в бюджет не включены, что постоянно порождает серьезные задержки в их исполнении.

Заявители осознают, что единственный способ получить какие-то деньги, сопоставимые с полагающимися им по национальным судебным решениям, это обратиться в Европейский Суд по правам человека — в этом случае они могут получить денежные средства во исполнение судебных актов в рамках дружественного урегулирования по жалобе в Европейский Суд по правам человека либо им будет присуждена компенсация морального вреда, и эта сумма будет выплачена в трехмесячный срок с момента, когда постановление Суда станет окончательным⁹.

Принимая во внимание серьезные проблемы, которые испытывает Россия с обеспечением и защитой права на справедливое судебное разбирательство в аспекте исполнения национальных решений, Европейский Суд принял так называемое «пилотное» постановление по делу Бурдов против России (№ 2) — в новой жалобе в Суд заявителю повторно по новым периодам пришлось ставить перед Европейским Судом по правам человека вопрос о нарушении права на исполнение национальных судебных решений. В «пилотных» постановлениях Европейский Суд признает существование структурной проблемы по теме, рассматриваемой в жалобе, и указывает государству на необходимость принятия общих мер в отношении всех лиц, которых касается данный вопрос. Так, в деле Бурдов против России (№ 2) Европейский Суд по правам человека указал, что установленные нарушения имели место вследствие практики, не совместимой с Конвенцией, которая состоит в повторяющихся невыплатах государством своих долгов по судебным решениям и в отношении которой пострадавшие не имеют эффективного внутригосударственного средства правовой защиты; что государство-ответчик должно создать в течение шести месяцев с момента, в который настоящее постановление станет окончательным, эффективное внутригосударственное средство правовой защиты или комплекс таких средств, которые обеспечили бы быстрое и адекватное восстановление нарушенных прав, включая возмещение ущерба в случае неисполнения или задержек в исполнении национальных судебных решений в соответствии с принципами Конвенции, закрепленными в постановлениях Суда; что государство-ответчик должно обеспечить такое восстановление

прав, включая возмещение ущерба, в течение одного года с момента, в который настоящее постановление станет окончательным, в пользу всех пострадавших от невыплаты или чрезмерных задержек в выплате государственными властями долгов по судебным решениям во всех делах, поданных в Суд до вынесения настоящего постановления и направленных правительству в соответствии с пунктом 2(b) правила 54 Правил процедуры Суда¹⁰.

2. Нарушение разумного срока судебного разбирательства

Первое российское дело, в котором Суд установил нарушение разумных сроков судебного разбирательства в уголовном процессе, — дело Калашников против России¹¹. Нарушение сроков судебного разбирательства (рассмотрение уголовного дела около 4 лет) установлено в связи с тем, что рассматриваемое дело не представляло особой сложности, заявитель предпринимал меры по ускорению рассмотрения своего дела, а властные органы не предприняли необходимых действий для обеспечения заявителю права на рассмотрение дела в разумный срок. В деле Смирновы против России Суд наряду с иными вопросами рассматривал вопрос нарушения разумного срока судебного разбирательства, когда в отношении одной заявительницы период рассмотрения уголовного дела, относящийся к юрисдикции Суда, составил 3 года 4 месяца и 19 дней (в общей сложности, включая период до ратификации Россией Конвенции, дело рассматривалось 9 лет 2 месяца и 4 дня), в отношении второй заявительницы срок судебного разбирательства, относящийся к юрисдикции Суда, занял 2 года 5 месяцев и 27 дней (дело рассматривалось в национальном суде в общей сложности 6 лет 7 месяцев и 23 дня). Данные сроки рассмотрения уголовного дела Европейский Суд также признал несопоставимыми с требованиями статьи 6 Конвенции¹². Впоследствии нарушение разумного срока в уголовном процессе было установлено в деле Худоеров против России¹³, в котором срок рассмотрения уголовного дела составил 6 лет и 2 месяца, и множестве других дел. Примечательно, что в деле Худоерова Европейский Суд по правам человека поставил вопрос о нарушении разумного сро-

ка судебного разбирательства по своей собственной инициативе¹⁴.

Рассмотрение вопроса нарушения разумного срока судебного разбирательства в гражданском процессе началось с дела Кормачева против России¹⁵. Европейский Суд установил, что срок рассмотрения гражданского дела более шести лет является нарушением статьи 6 Конвенции. Однако наиболее важным моментом в этом деле является установление нарушения статьи 13 Конвенции (гарантирующей право на эффективные средства внутренней правовой защиты) в связи с нарушением статьи 6. Суд пришел к выводу, что в России нет эффективных средств правовой защиты против чрезмерной длительности судебного разбирательства: жалобы в квалификационные коллегии судей различного уровня, жалобы в прокуратуру на нарушение сроков судебного разбирательства, а также подача иска к судебным органам о возмещении ущерба, причиненного чрезмерно длительным рассмотрением дела, никаким образом не помогли заявительнице защитить свое право на рассмотрение ее дела в разумный срок. За постановлением по делу Кормачевой последовали многочисленные аналогичные постановления, в которых повторились выводы о нарушении разумного срока в отношении заявителей и отсутствии в России эффективной системы защиты от такого нарушения: к марту 2009 года количество дел, в которых было установлено нарушение сроков судебного разбирательства, превысило 110¹⁶.

Можно предположить, что причинами нарушений, установленных в этой группе постановлений, стало отсутствие в России законодательства, позволяющего привлекать к ответственности судей, виновных в нарушении права сторон на рассмотрение дела в разумный срок, а также отсутствие эффективно действующего органа, который бы мог предоставить заявителям возможность защиты данного права внутри государства. В качестве организационных причин более ранних периодов участия России в Конвенции можно назвать проблему перегруженности судов, вызванную, в свою очередь, недостаточным числом судей, недостаточным количеством и недостаточной квалификацией вспомогательного персонала.

Приступая к надзору за исполнением постановлений по указанной категории дел,

применительно к мерам общего характера Комитет министров констатировал, что по-прежнему не существует национальных способов защиты от судебной волокиты, позволяющих лицам, пострадавшим от нее, получить компенсацию либо потребовать ускорения судебного процесса. Было указано, что, несмотря на письмо секретариата Комитета министров от 2 марта 2005 года, российскими властями не был представлен план действий по преодолению проблемы нарушения сроков в судебной системе. Впоследствии в ответ на запросы Комитета министров российские власти представили информацию о проекте федерального конституционного закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» и федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона...»¹⁷. Законопроект предусматривает создание в Российской Федерации внутригосударственного средства правовой защиты от нарушения права на судопроизводство в разумные сроки, а также права на исполнение в разумные сроки вступившего в законную силу судебного акта. В проекте закона использованы те же критерии для установления «разумного срока» судебного разбирательства, которые используются в постановлениях Европейского Суда по правам человека. В статье 12 законопроекта указано, что при принятии решения суд: устанавливает, имело ли место нарушение разумных сроков судопроизводства и (или) исполнения вступивших в законную силу судебных актов; оценивает, с учетом обстоятельств дела и вопросов, требующих правового разрешения, сложность дела, поведение сторон и других участников процесса, действия (бездействие) судебных органов, органов уголовного преследования, действия сторон исполнительного производства, органов государства, исполняющих судебные акты, повлиявшие на длительность судопроизводства либо исполнения судебных актов; оценивает длительность нарушения и значимость последствий этого нарушения для лица, в отношении которого оно допущено¹⁸.

Однако для того, чтобы создаваемый механизм явился эффективным средством пра-

вовой защиты, необходимо, чтобы иски, подаваемые в российские суды по схеме «гражданин против государства», гарантированно рассматривались по существу и при наличии указанных в законе оснований имелась реальная возможность взыскания денежных средств с государства¹⁹. Стоит также добавить, что эффективным механизм будет считаться только тогда, когда будет обеспечена выплата указанных компенсаций, однако для этого не предусмотрено специального порядка, отличающегося от взыскания денежных средств с казны государства, а этот порядок, как было выяснено ранее, не позволяет своевременно получить результат судебной защиты и неизбежно создает условия для увеличения количества жалоб в Европейский Суд по статье 6 Конвенции.

Перед государством стоит задача концептуального реформирования внутреннего законодательства в сфере обеспечения реализации права на своевременное исполнение судебных решений и права на рассмотрение дела в разумный срок с целью создания внутренних механизмов защиты и обеспечения их реального действия. Кроме того, анализ национальной практики показывает, что судьи в настоящее время обращают более серьезное внимание на сроки рассмотрения дел, руководствуясь принципами, обозначенными Европейским Судом по правам человека в своей практике. В 2007 году была начата реализация Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 годы²⁰. В тексте программы дан анализ проблем российской судебной системы. Среди этих проблем указаны неисполнение решений судебных органов и чрезмерная длительность судебного разбирательства, отмеченные в ряде постановлений Европейского Суда в отношении России. Программа предполагает ряд мер, направленных на решение этих проблем, в частности улучшение материально-технических условий деятельности судебных органов и службы судебных приставов.

Очевидно, что задача государства по двум рассмотренным категориям дел состоит в том, чтобы самостоятельно заняться восстановлением указанных прав внутри страны, сняв с Европейского Суда по правам человека бремя восстановления прав множества заявителей, поскольку использование здесь

международных средств защиты явно напоминает «стрельбу из пушки по воробьям».

3. Нарушение принципа правовой определенности в связи с рассмотрением судами дел в надзорном порядке: нарушение статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Третью структурную проблему, вновь связанную с деятельностью российской судебной системы, представляет собой надзорное производство. В деле Рябых против России Европейским Судом было установлено нарушение статьи 6 Конвенции в связи с тем, что отсутствие в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР²¹ пресекательного срока на принесение протеста в порядке надзора, а также наличие у должностных лиц прокуратуры и суда полномочий по принесению протестов по собственной инициативе на вступившие в силу судебные решения нарушали принцип правовой определенности. Еще до вынесения постановления по существу по данному делу в России был принят новый Гражданский процессуальный кодекс, в котором был установлен годичный срок обращения с протестом в порядке надзора и надзорной жалобой и устранены полномочия должностных лиц судебных органов и прокуратуры по инициированию надзорного производства. В настоящее время этот срок сокращен до шести месяцев. Изменения претерпело и надзорное производство в арбитражном процессе. Таким образом, можно было бы предположить, что внесение изменений в законодательство относительно надзорного производства на настоящий момент должно снять проблему нарушения принципа правовой определенности, по крайней мере в том виде, в котором она возникла в жалобах в рассматриваемый период²².

Во исполнение рекомендаций Комитета министров о дальнейшем совершенствовании российского законодательства в сфере действия принципа правовой определенности Федеральным законом от 4 декабря 2007 года в ГПК РФ были внесены изменения, ограничивающие срок обращения с надзорной жалобой до шести месяцев²³.

Однако проблема правовой определенности в России до настоящего момента являет-

ся предметом обеспокоенности Европейского Суда по правам человека. В недавних постановлениях Суд продолжает настаивать на том, что ни одна из сторон не имеет права требовать пересмотра дела только с целью переоценки доказательств и принятия другого решения по делу. Полномочия вышестоящего суда отменять вступившие в силу решения должны использоваться только для исправления очень серьезных правовых ошибок. Просто сама по себе возможность различной интерпретации фактов и права в одной и той же ситуации недостаточна для отмены вступившего в силу решения²⁴.

Последствиями данных правовых позиций Суда для государства должно явиться изменение судебной практики в сфере использования надзорных полномочий судов: национальным судам необходимо принимать решение об обоснованности отмены вступивших в законную силу актов с точки зрения установленных Европейским Судом по правам человека принципов и правовых позиций.

4. Нарушение прав заявителей в рамках уголовного процесса

Следствие и уголовное судопроизводство в России создают целый комплекс системных нарушений прав человека, ставших предметом рассмотрения Европейского Суда. Помимо уже рассмотренной проблемы длительного рассмотрения уголовных дел, наиболее часто встречающиеся нарушения связаны с условиями содержания в местах предварительного заключения и в местах лишения свободы, применением пыток и бесчеловечного обращения в ходе следствия, отсутствием оснований для заключения под стражу, нарушением сроков содержания под стражей, нарушением права на индивидуальную жалобу, нарушением принципа равенства сторон в процессе и права на защиту. Установление многочисленных нарушений прав заявителей в рамках уголовно-правовой системы отличается сходным «составом» нарушений. Как правило, такие жалобы содержат аналогичные обстоятельства об условиях содержания в СИЗО и пенитенциарных учреждениях, противоречащих требованиям статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, жалобы на нарушение различных аспектов статьи 5 Конвенции, включая отсут-

ствие оснований заключения под стражу и нарушение сроков рассмотрения обоснованности заключения под стражу. В делах по жалобам о нарушении статьи 6 Конвенции в уголовном судопроизводстве ставятся серьезные вопросы о нарушении принципов справедливого судебного разбирательства, включая нарушение права на защиту, право на допрос свидетелей на равных началах с другой стороной и равенство сторон в процессе.

В деле Калашников против России Европейский Суд по правам человека подробно исследовал указание заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку условия содержания в следственном изоляторе г. Магадана представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Европейский Суд по правам человека, рассматривая заявление Калашникова, ссылаясь на свои выводы, ранее сделанные в деле Кудла против Польши, где указал, что в соответствии со статьей 3 Конвенции государству должно гарантировать, чтобы лицо содержалось под стражей в таких условиях, которые сопоставимы с человеческим достоинством, чтобы мера и способ исполнения наказания не приводили к страданиям и испытаниям, чрезмерным по сравнению с установленными требованиями к местам лишения свободы, его здоровье и благополучие должны быть надлежащим образом защищены²⁵.

В постановлении по делу Майзит против Российской Федерации Европейский Суд по правам человека установил, что содержание в следственном изоляторе в аналогичных условиях (перенаполненность, нарушение санитарных правил, угроза заражения инфекционными заболеваниями) в течение 9 месяцев и 14 дней составляло нарушение статьи 3 Конвенции, несмотря на отсутствие намерения специально создать для заявителя такие условия со стороны российских властей. Нахождение заявителей в условиях, аналогичных описанным в деле Калашников против России, впоследствии признавалось по другим жалобам против России²⁶.

Можно предположить, что признание нарушения статьи 3 в связи с условиями содержания в СИЗО и пенитенциарных учреждениях связано с тем, что Российская Федерация, вступая в Совет Европы и принимая на себя обязательства по Конвенции, юридически, финансово и организационно не была го-

това к имплементации европейских стандартов обращения с заключенными. Одной из иллюстраций такой «неготовности» на практике являлась позиция российских властей относительно условий содержания в СИЗО, когда они ссылались на акты, регулирующие условия содержания заключенных еще с советского периода, а также на то, что бесчеловечные условия специально заявителю не создавались и в таких условиях содержатся все заключенные в стране.

В Предварительной резолюции в отношении исполнения постановления по делу Калашников против России²⁷ Комитет министров отмечает с удовлетворением, что имеет место значительное сокращение перенаполненности следственных изоляторов (СИЗО) и улучшение санитарных условий, как показывает недавняя статистика, представленная в Комитет российскими властями; тем не менее Комитет министров считает, что для решения структурной проблемы, обозначенной в постановлении по делу, необходимы дальнейшие меры. Комитет призывает российские власти продолжить и усилить проведение реформы по приведению учреждений предварительного заключения в соответствие с Конвенцией, в частности, как это установлено в решении по делу Калашников против России, чтобы предотвратить новые аналогичные нарушения, предлагает российским властям и далее держать в курсе Комитет министров о конкретном изменении ситуации, например путем предоставления соответствующей статистики, относящейся к перенаполненности следственных изоляторов и санитарным условиям в учреждениях предварительного заключения²⁸.

Российское Правительство сообщило Комитету министров, что федеральная программа реформирования пенитенциарной системы Министерства юстиции в 2002–2006 годах, принятая Постановлением Правительства РФ 29 августа 2001 года, предусматривает постройку новых следственных изоляторов на 10 130 мест и ремонт большого количества существующих СИЗО с целью улучшения санитарных условий в них. «В 2002 году 838 новых мест было создано в российских СИЗО. Как результат вышеуказанных мер, жилое пространство на каждого заключенного увеличилось до 3,46 кв. м к 1 января 2003 года. Планируются и дальнейшие улучшения. В 32

из 89 российских регионов число лиц, содержащихся в следственных изоляторах, больше не превышает лимита, установленного для данных следственных изоляторов»²⁹.

Федеральная служба исполнения наказаний РФ указывает, что меры федеральной целевой программы «Реформирование уголовно-исполнительной системы», принятой в целях реализации постановлений Европейского Суда по правам человека, позволили впервые в отечественной истории обеспечить предусмотренные законодательством нормы камерной площади, были предприняты серьезные меры по развитию материально-технической базы уголовно-исполнительной системы, в том числе строительство 26 СИЗО, в полном объеме соответствующих европейским требованиям. Кроме того, было организовано информирование территориальных органов уголовно-исполнительной системы о решениях, принятых Европейским Судом по правам человека, и приняты практические меры: убраны жалюзи с окон камер, усилен мониторинг санитарных условий в камерах, уточнена регламентация порядка применения специальных средств и физической силы, организовано медицинское освидетельствование лиц, прибывших в учреждения уголовно-исполнительной системы из изоляторов временного содержания³⁰.

Между тем в последующие периоды Европейский Суд продолжает устанавливать нарушения условий содержания под стражей и в местах лишения свободы, о чем свидетельствуют множественные повторяющиеся дела по этой проблеме³¹. Ситуация явно иллюстрирует недостаточность принятых государством мер. Федеральная служба исполнения наказаний РФ указывает на следующую динамику дел с содержанием жалоб, среди которых были претензии к уголовно-исполнительной системе: для предоставления информации по рассматриваемым Судом делам в Федеральную службу в 2001 году поступило 4 дела, в 2002 — 10, в 2003 — 16, в 2004 — 41, в 2005 — 55, в 2006 — 53, в 2007 — 85 новых дел³².

К устранению нарушений в будущем может привести только комплекс мер по изменению практики финансирования и содержания следственных изоляторов и пенитенциарных учреждений, усилению контроля за условиями содержания в местах предварительного

заключения и местах лишения свободы, применение российскими судами правовых позиций Европейского Суда по правам человека при избрании меры пресечения и создание эффективного национального порядка обжалования нарушений прав индивида в этой сфере.

В постановлении по делу Смирновы против России от 24 июля 2003 года Европейский Суд по правам человека рассматривал, помимо уже проанализированного вопроса нарушения статьи 6, нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованным продлением содержания под стражей. Европейский Суд, исследовав постановления национальных судов, пришел к выводу, что национальные судебные акты не содержали достаточной аргументации оснований заключения под стражу, отличались краткостью и не описывали подробно ситуацию по делу заявителям. В решении Тверского суда от 31 марта 1999 года упомянута только серьезность обвинений, выдвинутых против Елены Смирновой, ставшая причиной ее содержания под стражей. В решении от 10 ноября 1999 года упомянута «характерная особенность» заявителям без объяснений, в чем проявляется эта особенность и почему она является причиной содержания под стражей. Аналогично, 28 августа 2000 года Тверской суд вынес определение о заключении под стражу заявителям просто потому, что они постоянно не являлись на судебные заседания, без указания определенных деталей или рассмотрения альтернативных мер пресечения. Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что неоднократное заключение под стражу заявителям в ходе расследования одного уголовного дела на основании недостаточно аргументированных решений является нарушением пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции³³.

Основным последствием данного постановления стало внесение дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: в часть 1 статьи 108 внесено новое положение о том, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение³⁴. Это очень важная законодательная мера, требующая, однако, постоянного контроля со стороны вы-

шестоящих судов, поскольку до настоящего времени качество аргументации судебных актов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу продолжает оставаться низким.

В постановлении по делу Кляхин против России Европейский Суд по правам человека установил, что отсутствие указаний на конкретные основания, оправдывающие длительное содержание под стражей заявителя и указание в качестве мотива для содержания под стражей тяжести обвинения, не относящегося к законному основанию, привело к нарушению пункта 3 статьи 5 Конвенции³⁵.

Верховным Судом РФ подготовлен Обзор нормативных актов и судебной практики, касающихся обеспечения прав человека на свободу и личную неприкосновенность, в который включен перечень постановлений Европейского Суда по правам человека по делам в отношении России по статье 5 Конвенции, без изложения, однако, правовых позиций Суда по этим делам³⁶.

Последствиями для государства по данной категории дел, с учетом их частой повторяемости³⁷, стали, прежде всего, уточнение законодательных формулировок и проведение занятий с судьями по вопросам применения правовых позиций Европейского Суда в изучаемых делах. Но явно необходимым представляется изменение практики с точки зрения усиления контроля вышестоящих судов за обоснованностью и необходимостью применения заключения под стражу, наличием указаний на конкретные фактические обстоятельства для избрания данной меры пресечения в мотивировочной части постановлений судов, а также контроль за сроками нахождения лиц под стражей.

Специальный аспект нарушения сроков рассмотрения вопроса о законности лишения свободы в связи с помещением в психиатрический стационар рассматривался в деле Ракевич против России³⁸. Европейским Судом по правам человека было признано несоблюдение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с нарушением установленного российским законодательством пятидневного срока рассмотрения вопроса о недобровольной госпитализации заявительницы в психиатрический стационар. Фактически заявительница была госпитализирована в недобровольном порядке и находилась на лечении в стационаре без

судебного контроля в течение 39 дней. Кроме того, в связи с отсутствием в российском законодательстве нормы об инициировании заявителем процедуры обжалования госпитализации самостоятельно, было признано нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

В июне 2005 года Комитет министров отметил, что в ответ на письмо секретариата от 30 августа 2004 года с просьбой представить конкретный план действий российские власти ограничились указанием на то, что уполномоченные государственные органы (Министерство внутренних дел РФ, Генеральная прокуратура РФ и Министерство финансов РФ) рассматривают проекты поправок в Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК) и законодательство об оказании психиатрической помощи. Эти поправки должны предоставить лицам, доставленным в психиатрическую больницу, право самостоятельно оспаривать законность своего помещения в соответствующие учреждения здравоохранения, что позволит соблюсти требования статьи 5 Конвенции. Также было указано, что 31 августа 2004 года заместитель председателя Верховного Суда РФ направил циркуляр нижестоящим судам с целью привлечь их внимание к постановлению Суда по указанному делу; дополнительно было сообщено, что властями рассматривается возможность создания специальной службы по защите прав пациентов психиатрических больниц. Перевод постановления на русский язык был опубликован в Бюллетене Европейского Суда по правам человека (2004. № 2).

До настоящего времени изменения в законодательство приняты не были, что серьезно повышает риск повторяемости нарушений, связанных с доступом к обжалованию правомерности заключения в психиатрический стационар. Предполагается, что изменения в законодательство должны учитывать особенности уязвимого положения лица, помещенного в психиатрический стационар, и ограниченные возможности его защиты, а следовательно, предусматривать соответствующие гарантии равенства сторон и возможности представить свою позицию: возложение бремени доказывания правомерности помещения в стационар на медицинское учреждение, которое об этом ходатайствует, решение вопросов правовой помощи для помещенного в больницу лица и возможность представления аль-

тернативного, независимого заключения психиатров.

В качестве положительного примера реакции официальных органов государства на постановление по делу Ракевич можно привести подготовленную Свердловским областным судом Справку по результатам обобщения практики рассмотрения дел о недобровольной госпитализации гражданина в психиатрический стационар. Судам общей юрисдикции были даны подробные разъяснения правовых позиций Европейского Суда по данному делу и указания по рассмотрению дел о госпитализации в соответствии со статьей 5 Конвенции и толкованием, содержащимся в постановлении по делу Ракевич. Свердловский областной суд при обосновании необходимости подготовки обобщения судебной практики по данной категории дел указал на допускаемые судьями ошибки, просьбы председателей ряда судов области о проведении обобщения и сам факт вынесения постановления Европейским Судом, что обязывает выявить и устранить недостатки в работе судов³⁹.

Факт применения пыток Европейский Суд по правам человека впервые установил в деле Михеев против России. До вынесения постановления по данному делу признавались факты нарушения обязательств государства по статье 3 Конвенции — непроведение эффективного расследования пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. В деле Михеева Европейский Суд пришел к выводу, что во время нахождения в отделении милиции заявитель был подвергнут жестокому обращению с целью получения признательных показаний и информации о преступлениях, в которых его подозревали. Жестокое обращение, примененное к нему, вызвало настолько тяжелые психические и физические страдания, что заявитель совершил попытку самоубийства, результатом которой явилось очень тяжелое состояние здоровья заявителя⁴⁰. В деле Менешева против России Суд признал, что 19-летняя заявительница была подвергнута жестокому обращению, избиению и угрозам насильем при расследовании дела об убийстве, к которому мог иметь отношение ее знакомый. Суд признал нарушение статьи 3 Конвенции, квалифицировав вид жестокого обращения с заявительницей как пытки, а также указал, что властями не

было проведено эффективное расследование фактов жестокого обращения⁴¹.

Впоследствии факты жестоких пыток в Нижегородском управлении внутренних дел устанавливались Европейским Судом в деле Маслова и Налбандов против России⁴².

Комитет министров приступил к рассмотрению вопроса об исполнении постановления по делу Михеева в июле 2006 года. Он принял к сведению информацию о том, что 30 ноября 2005 года Ленинским районным судом Нижнего Новгорода вынесен приговор сотрудникам милиции, пытавшим заявителя, однако запросил подтверждение вступления этого приговора в силу. В связи с рассмотрением этого дела Комитет министров, со ссылкой на свои резолюции по другим делам (в том числе по сходным нарушениям Конвенции, допущенным другими государствами — членами Совета Европы, в частности Турцией), указал на необходимость принятия российскими властями всеобъемлющих мер общего характера. С точки зрения Комитета, среди таких мер должны быть: создание процессуальных гарантий для задержанных милицией лиц (в частности, медицинское освидетельствование задержанных, обеспечение их доступа к внешнему миру, в том числе к юристу). Следует также обеспечить эффективное расследование подобных случаев, в частности гарантировать действительную независимость органов и лиц, осуществляющих предварительное расследование преступлений, предположительно совершенных сотрудниками милиции. Кроме того, Комитет указал на необходимость соответствующего обучения сотрудников правоохранительных органов, выплаты компенсации потерпевшим, а также публикации и распространения текста постановления Суда.

Отдельной категорией дел по применению пыток и их ненадлежащему расследованию, а также нарушению права на жизнь являются нарушения прав человека, установленные на территории Чеченской Республики⁴³.

В постановлении по делу Ваньян против России Европейский Суд признал нарушение пункта 1 статьи 6 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 в связи с тем, что заявитель был обвинен в совершении преступления, спровоцированного милицией, приговор был основан на доказательствах, полученных от частных к делу сотрудников милиции, а также

надзорная инстанция изменила квалификацию обвинения и приговор в отношении заявителя без предоставления ему возможности осуществлять защиту по новому обвинению, в результате чего было нарушено право на защиту и принцип справедливости судебного разбирательства⁴⁴. В деле Худобин против России Суд также признал нарушение пункта 1 статьи 6 в связи с использованием провокации со стороны следственных органов⁴⁵.

Относительно правовых последствий данных дел для Российской Федерации, необходимо отметить, что в июле 2007 года в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» были внесены изменения⁴⁶. Поправками в статью 5 Закона правоохранительным органам запрещено в ходе оперативно-розыскной деятельности подстрекать граждан к совершению противоправных действий. Эти поправки также установили законодательный запрет на фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности. Весной 2007 года Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности и ряд других ведомств приняли инструкцию, которая регулирует порядок передачи результатов оперативно-розыскной деятельности органам следствия и судам⁴⁷. Указанные нововведения призваны предотвратить повторение нарушений, зафиксированных в рассмотренных постановлениях, а именно — осуждение лиц, совершивших преступные деяния в результате провокации со стороны органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В свете исследованных категорий дел, рассмотренных Европейским Судом по правам человека в отношении России, следует отметить, что основным источником проблем в сфере реагирования государства на постановления Европейского Суда является отсутствие системного подхода к обеспечению общих мер по исполнению постановлений Суда. Очевидно, что для исполнения государством указанных постановлений использованы меры, обычно принимаемые государствами-участниками в результате вынесения постановлений Суда. Но четко обозначенная процедура выбора таких мер и отнесения их к сфере ответственности конкретных государственных органов в России не существует. Отсутствие законодательно закрепленного и отработанного на практике действующего меха-

низма общих мер и мер индивидуального характера влечет за собой недостаточность и бессистемный характер действий государства по предупреждению нарушений и, как следствие, дальнейшее увеличение жалоб в Европейский Суд по правам человека, где ответчиком выступает Россия.

Постановления Европейского Суда по правам человека являются результатом применения норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в конкретном деле. В свою очередь, рассмотрение конкретного дела — это деятельность Европейского Суда в рамках реализации норм Конвенции. Можно также предположить, что исполнение государством постановлений Европейского Суда по правам человека является составной частью механизма реализации норм Конвенции. Таким образом, для уяснения структуры механизма, призванного обеспечивать эффективное выполнение Российской Федерацией обязательств по Конвенции, необходимо обратиться к общей теории механизма реализации норм международного права, который, как отмечает В.Я. Суворова, представляет собой совокупность нормативных и институционных (организационно-правовых) средств, используемых субъектами международного права на международном и национальном уровнях, с целью реализации норм. Он включает совокупность правовых актов и структуру органов, их принимающих⁴⁸. Применительно к реализации норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод также можно выделить конвенционный и национальный механизмы, каждый из которых содержит нормативные и институционные (организационные) средства.

Институционный элемент национального механизма можно представить как действующую в государстве систему органов, участвующих в процессе исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека по конкретным делам, а также в выполнении обязательств государства по статье 1 Конвенции — по обеспечению реализации конвенционных прав внутри государства и по приведению законодательства и практики в соответствие с Конвенцией.

Относительно вопросов соответствия законодательства нормам Конвенции и правовым позициям Европейского Суда по правам человека основную роль необходимо отвести

высшему законодательному органу государства — Федеральному Собранию РФ. Очевидно, что такой контроль соответствия законодательства Конвенции и правовым позициям Европейского Суда должен проводиться в результате исполнения постановления по каждому конкретному делу, рассмотренному Судом в отношении Российской Федерации, а также необходимым является регулярное ориентирование на позиции Европейского Суда при принятии национальных актов, затрагивающих вопросы прав человека.

Органы исполнительной власти также призваны разрабатывать меры в сферах своей компетенции по вопросам совершенствования практики и законодательства как в результате вынесения конкретных постановлений Суда в отношении России, так и для общей превенции подобных нарушений.

В системе органов исполнительной власти можно выделить специальную структуру, ответственную за анализ содержания вынесенных против государства постановлений Суда и разработку предложений по принятию общих мер. Таким органом является Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместитель министра юстиции Российской Федерации⁴⁹.

Ознакомление с результатами работы в сфере проведения такого анализа и подготовки рекомендаций довольно затруднительно, поскольку в электронных правовых базах документы, исходящие от Уполномоченного, отсутствуют и в официальных печатных изданиях на регулярной основе не публикуются. Думается, что подобные рекомендации должны приниматься в оперативные сроки по каждому конкретному делу (либо группе дел, содержащих аналогичные нарушения норм Конвенции со стороны России) и в форме официальных документов направляться от имени Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде в органы исполнительной и судебной власти, а в необходимых случаях — и в органы законодательной власти. Важно подчеркнуть необходимость регулярного опубликования таких рекомендаций, поскольку таким образом будет обеспечен доступ компетентных органов и заинтересованных лиц к информации, на которую они могли бы ссылаться в национальном правоприменительном процессе.

Национальные суды являются ключевыми субъектами, формирующими практику реализации государством обязательств по Конвенции и одновременно — общих мер во исполнение постановлений Европейского Суда. Как справедливо отмечает Л. Б. Алексеева, исключительно важна роль суда во внутригосударственном осуществлении норм международного права. Уникален сам способ осуществления, поскольку в этих целях используется судебный процесс. Суд выступает как часть механизма внутригосударственного осуществления международных норм⁵⁰.

Принимая во внимание то, что российские суды обязаны рассматривать дела с учетом международных обязательств России в сфере прав человека, в том числе применять Конвенцию о защите прав человека и основных свобод именно в контексте ее толкования Европейским Судом по правам человека — «действовать в пределах своей компетенции для обеспечения обязательств государства, связанных с участием в Конвенции»⁵¹, можно предложить такой способ закрепления обязательств по применению правовых позиций Европейского Суда, как включение в законодательство нормы об издании Пленумом Верховного Суда РФ регулярных постановлений с разъяснениями последствий отдельных категорий решений, вынесенных Судом в отношении Российской Федерации и касающихся аналогичных вопросов. Кроме того, полезным можно считать и более широкое использование правовых позиций Европейского Суда по правам человека по делам в отношении других государств при издании Пленумом Верховного Суда РФ постановлений по конкретным категориям дел, рассматриваемых национальными судами. Это было сделано, в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

До настоящего времени нельзя говорить о повсеместном применении норм Конвенции и правовых позиций Европейского Суда национальными судами по делам, затрагивающим гарантированные Конвенцией права. В детальных исследованиях по вопросу применения российскими судами Конвенции и правовых позиций Суда отмечается, что практика абсолютно различна в разных регионах и

зависит от множества факторов, включая и активность правозащитных организаций, занимающихся защитой в суде определенной категории прав⁵².

Важнейшим фактором, негативно влияющим на применение судами правовых позиций Европейского Суда, является отсутствие в российском законодательстве нормы, определяющей статус постановлений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе и место в ней правовых позиций Суда. Данный вопрос, а также вопрос директив правоприменительным органам по применению Конвенции и правовых позиций Европейского Суда может и должен быть решен в законодательстве наряду с закреплением всех необходимых мер, связанных с реализацией государством международно-правовой ответственности по Конвенции и порядком исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека.

Относительно применения норм Конвенции и правовых позиций Европейского Суда по правам человека также необходимо сделать оговорку, что важным представляется применение норм Конвенции не только судебными органами, но и в рамках всего правоприменительного процесса: в деятельности правоохранительных органов, налоговой службы, органов исполнительной власти, органов местного самоуправления.

Следует помнить и о роли Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. Учтя, что установленные Европейским Судом по правам человека нарушения всегда исходят от официальных органов государства, а институт Уполномоченного по правам человека создан как раз для защиты прав от неправомерных действий (бездействий) органов и должностных лиц, в рекомендациях об устранении нарушений прав, адресуемых должностным лицам и органам власти, а также правоохранительным органам, омбудсмены обязательно должны указывать на содержание правовых позиций Европейского Суда, которые имеются по данной проблеме. В деятельности Уполномоченного по правам человека Свердловской области такое национальное применение Конвенции и разъяснение властным органам и должностным лицам содержания правовых позиций Европейского

Суда рассматривается как одно из приоритетных направлений. Так, по заявлению М., являющегося гражданином иностранного государства, указание Уполномоченного на необходимость применения правовых позиций Европейского Суда позволило защитить право лица, поскольку было выявлено, что ему избрана мера пресечения без указания срока и фактически создана ситуация, уже ставшая предметом критики Европейского Суда по правам человека в делах Гарабаев против России и Насруллоев против России⁵³.

При определении обязанностей отдельных органов государства важным является вопрос доступа к текстам постановлений Европейского Суда. Сам международный договор — европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод — опубликован. Однако, если принять во внимание особенности конвенционного механизма, когда содержание автономных понятий Конвенции и правовых позиций Европейского Суда по правам человека определяется в его постановлениях, а Конвенция не может быть правильно применена без учета данных правовых позиций, которые также должны быть доступны и определены, возникает вопрос опубликования переводов постановлений Европейского Суда на русский язык. Поскольку правовые позиции в постановлениях Суда — это часть нормативного механизма Конвенции, встает вопрос о том, что они, как обязательные для государств нормы толкования, должны быть опубликованы, чтобы быть применимыми.

Доступность информационных ресурсов о деятельности Европейского Суда по правам человека, информационных баз с текстами на русском языке постановлений Суда и документов Комитета министров является важнейшим фактором, во многом обеспечивающим успешность применения Конвенции и правовых позиций Суда национальными органами. Переводы постановлений Европейского Суда по правам человека против России эпизодически публиковались в «Российской газете», в настоящее время на регулярной основе постановления в отношении России и других государств, с соответствующими комментариями, публикуются в Российском издании Бюллетеня Европейского Суда по правам человека. Важно указать также на сборники русских текстов постановлений Суда в отношении России и решений на предмет

приемлемости⁵⁴. Ю. Ю. Берестнев указывает, что важнейшим условием четкого функционирования контрольного механизма Европейского Суда по правам человека является доведение всего массива его решений до субъектов Конвенции — физических и юридических лиц в странах — членах Совета Европы. При этом автор отмечает: «Что касается непосредственно публикаций прецедентного права Страсбургского суда в России, надо отметить, что пока они носят разовый и хаотичный характер... Ряд специальных юридических изданий периодически публикуют отдельные решения Европейского Суда и иные документы Совета Европы. Однако остаются все те же проблемы — систематичность издания и качество переводов»⁵⁵.

Также следует отметить, что такие публикации являются исключительной инициативой издательств, юридических фирм и общественных организаций и осуществляются по их выбору, а сроки публикации переводов постановлений ничем не регламентированы. Полезными были бы законодательные положения, устанавливающие обязанность официальных органов в определенный разумный срок (например, не более одного месяца) после того, как постановление в отношении Российской Федерации станет окончательным, публиковать его в официальном издании. Законодательство должно четко устанавливать, в каком именно издании будут осуществляться публикации, например в «Российской газете» как официальном издании, более доступном не только правоприменителям, но и обычным гражданам, нежели Собрание законодательства Российской Федерации. Разумеется, в профессиональной среде дополнительно могут поддерживаться и развиваться любые инициативы опубликования таких материалов.

В качестве обязательной составляющей институционального элемента национального механизма является и определение структур, ответственных за процедуру обучения студентов-юристов и уже действующих практикующих юристов навыкам применения Конвенции и правовых позиций Европейского Суда по правам человека. Определенные позитивные шаги в этом направлении уже предпринимаются. Так, например, в ведущих юридических вузах страны вводятся дисциплины, посвященные европейским стандартам защи-

ты прав человека, применению прецедентной практики Европейского Суда. Как указывает П. А. Лаптев, процедура обучения судей действует с 2000 года. «Такое обучение для судей применительно к практике Европейского Суда по правам человека становится системой, — комментирует П. А. Лаптев, — можно говорить о трех его формах: ознакомление с практикой Суда в ходе повышения квалификации судей, например, в Российской академии правосудия при Верховном Суде РФ и Высшем Арбитражном Суде РФ; проведение региональных семинаров, в том числе организуемых судейским сообществом; и наконец, ознакомительные поездки судей в Страсбург для участия в заседаниях Европейского Суда. Сейчас организуется такой же порядок при переобучении прокуроров. Очень важно, чтобы любой выпускник юридического вуза был знаком и с правом Европейского Суда по правам человека, и с теми проблемами, которые возникают при судопроизводстве в Суде»⁵⁶.

Можно предположить, что для дальнейшего действия в этом направлении необходима единая комплексная программа для юридических вузов и программы повышения квалификации для профессионалов (судей, сотрудников следственных органов, адвокатов), которая могла бы быть разработана Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде в сотрудничестве с представителями высшей школы, Российской академией правосудия, Министерством юстиции РФ.

Следующий аспект, связанный с институциональным элементом, который мог бы внести существенный вклад в эффективность действия рассматриваемой системы, это институт ответственности должностных лиц, виновных в установленных Судом нарушениях. Постановление Европейского Суда, констатирующее нарушение, выносится в отношении целого государства. Возникает вопрос: влечет ли оно какую-либо ответственность для должностных лиц, виновных в этих нарушениях? Совершенно очевидно, что за каждым делом, в котором установлено нарушение Европейским Судом, стоит конкретный судья, допустивший нарушение сроков судебного разбирательства, конкретный прокурор, не отреагировавший на жалобы о применении пыток, конкретный судебный пристав, допустивший нарушение сроков исполнения национального решения в пользу заявителя.

Наиболее целесообразным было бы обеспечить несение ответственности не только государства перед международным сообществом за нарушения прав человека, но и ответственности конкретного лица, действующего от имени государства, перед государством. Отсутствие в Российской Федерации реально действующего механизма персональной ответственности представителя властного органа за его неправомерные действия во многом является причиной дальнейших нарушений. Решение о признании незаконными действий конкретного должностного лица в рамках национальной системы отличается декларативностью, поскольку не влечет для него никаких негативных последствий⁵⁷.

При этом необходимо очень внимательно отнестись к определению вида ответственности и механизму ее реализации. К сожалению, ситуация, когда с сотрудников милиции, применявших пытки к заявителю по делу Михеев против России, в гражданско-правовом порядке была по иску прокуратуры взыскана сумма в размере 8,5 миллионов рублей — сумма, эквивалентная уплаченной Россией компенсации по постановлению Европейского Суда по правам человека⁵⁸, — совершенно не отвечает концепции отношений между государством и лицом, выполняющим публичные функции. Предполагается, что суммы штрафов могут быть весьма и весьма высокими, но это должна быть именно административная ответственность — вид ответственности, концептуально отражающий правоотношения между государством и должностным лицом. В противном случае ситуация выглядит таким образом, что государство дистанцируется от своего участия в контроле за рассматриваемой ситуацией с точки зрения выявления причин нарушения и применения общих мер и будет склонно просто «перекладывать» компенсации в рамках своей международно-правовой ответственности на физических лиц, переводя отношения в гражданско-правовую плоскость.

Следующий элемент национального механизма связан с нормативным регулированием вопроса последствий постановлений Европейского Суда по правам человека на национальном уровне. Наиболее серьезным аргументом в пользу принятия специального федерального закона, регулирующего юридические последствия вынесенных Европейским

Судом постановлений, является возможность охватить в нем все ранее перечисленные элементы, составляющие национальный механизм реализации норм Конвенции и реагирования государства на постановления Суда. Учитывая особенности взаимосвязи обязательств государства по Конвенции и обязательств государства, возникающих из постановлений Европейского Суда по правам человека, видится возможным предложить следующее название федерального закона по данному предмету регулирования — «Об исполнении Российской Федерацией обязательств, возникающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановлений Европейского Суда по правам человека».

На основе рассмотренных источников проблем реализации в Российской Федерации указанных обязательств можно предложить включить в структуру проекта закона следующие аспекты:

- определение статуса постановлений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: являются обязательными для России как стороны в деле; содержат правовые позиции, то есть обязательные для всех государств-участников нормы толкования Конвенции;

- определение перечня и процедуры реализации мер индивидуального характера по исполнению постановлений Европейского Суда по правам человека (включая справедливую компенсацию) с указанием субъектов исполнения (конкретные органы исполнительной, судебной, законодательной власти), соответствующими ссылками на процессуальное законодательство по вопросам возобновления производства по делу в суде, возобновления дела административным органом;

- определение перечня и процедуры реализации мер общего характера по исполнению постановлений Европейского Суда по правам человека с указанием субъектов исполнения;

- определение механизма принятия мер в случае вынесения Европейским Судом по правам человека в отношении России «пилотных» постановлений, где явно обозначена серьезная структурная проблема и государство призывается к устранению нарушений в отношении всех лиц данной категории;

— конкретизацию обязанностей Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде в сфере принятия рекомендаций по общим мерам и иным правовым последствиям постановлений Европейского Суда, подробное поэтапное определение алгоритма действий Уполномоченного по анализу постановлений и определению необходимых мер общего характера и их координации, анализу обстоятельств, которые привели к нарушению Конвенции, подготовке предложений относительно внесения изменений в действующее законодательство, подготовке предложений относительно внесения изменений в административную практику, определению перечня центральных органов исполнительной власти, которые являются ответственными за применение каждого из предлагаемых в представлении мероприятий, подготовке аналитического обзора для судебных органов с предложениями о приведении судебной практики в соответствие с Конвенцией;

— установление требования об опубликовании указанных рекомендаций Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека в «Российской газете» в течение трех месяцев с момента, когда постановление Суда стало окончательным;

— установление требования об опубликовании в «Российской газете» информации, направляемой российскими властями Комитету министров Совета Европы, о мерах исполнения постановления Европейского Суда;

— определение обязанности высшего законодательного органа государства — Федерального Собрания РФ — в сфере анализа для целей законотворчества норм Конвенции и правовых позиций Европейского Суда по правам человека, в сфере проведения экспертизы законопроектов, затрагивающих вопросы прав человека, на предмет их соответствия Конвенции в свете ее толкования Европейским Судом;

— определение обязанности судебных и иных правоприменительных органов обращаться к правовым позициям Европейского Суда по правам человека по делам, касающимся гарантированных Конвенцией прав;

— определение обязанности Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в рамках своей компетенции принимать разъяснения по отдельным категориям дел, обра-

щая особое внимание на группы дел, в которых Европейским Судом по правам человека обозначены системные, многократно повторяющиеся нарушения Конвенции;

— закрепление порядка перевода и опубликования постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных в отношении России, в «Российской газете» в течение месяца с момента, когда постановление стало окончательным;

— определение субъектов, ответственных за разработку и реализацию программ профессионального обучения и повышения квалификации в сфере применения Конвенции на национальном уровне и механизм реализации программ;

— установление административной и дисциплинарной ответственности для должностных лиц, виновных в допущении нарушений Конвенции, установленных Европейским Судом по правам человека, с отсылкой к соответствующим нормам, внесенным в Кодекс об административных правонарушениях РФ, Федеральные законы «О статусе судей в Российской Федерации» и «Об органах судебного сообщества в Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации», «О милиции», положения о министерствах, иные законодательные акты.

Аккумуляция в федеральном законе всех обозначенных мер и детально описанных процедур их реализации с указанием ответственных субъектов с определенными полномочиями будет отвечать принципу эффективности национального механизма реагирования на постановления Европейского Суда по правам человека. Кроме того, детально обозначенные в законе процедуры действий конкретных государственных органов в ответ на установленные Европейским Судом нарушения позволят обеспечить более четкое взаимодействие с конвенционным механизмом контроля за исполнением Россией международных обязательств.

Системный подход к регулированию последствий постановлений Европейского Суда по правам человека представляет собой одновременное и согласованное действие факторов, влияющих на успешность деятельности государства как добросовестного участника международных отношений в сфере защиты прав человека. Обозначенные элементы охватывают такие сферы, как активное

функционирование органа, наделенного компетенцией по разработке предложений по реагированию на установленные Судом нарушения; национальное применение правовых позиций Европейского Суда; деятельность государства по обеспечению правоприменителей знаниями и навыками в сфере по применению правовых позиций Суда и обеспечению доступа широкого круга лиц к текстам постановлений Европейского Суда на русском языке; основы ответственности должностных лиц, виновных в нарушениях прав человека, ставших предметом рассмотрения Европейским Судом; и наконец, законодательное закрепление описанной системы мер с целью придания ей юридически определенного, обязательного характера и обеспечения механизма реализации мер, складывающихся на практике.

Представляется, что предложенные меры по усилению национального механизма реагирования на постановления Европейского Суда по правам человека положительно скажутся на взаимодействии национального механизма с контрольной системой конвенционных органов. Это, в свою очередь, обеспечит конструктивные изменения в российской правовой системе и смещение акцентов с многоэтапной и сложной процедуры защиты в Европейском Суде в сторону эффективной и оперативной защиты прав человека внутри государства.

Деменева Анна Валентиновна — магистр международного права, преподаватель Уральской государственной юридической академии, консультант аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области

demeneva@midural.ru

¹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 мая 2002 года по делу Бурдов (Burdov) против России (жалоба № 59498/00) (Первая секция) // Российская газета. 2002. 4 июля.

² См.: Резолюция Комитета министров Совета Европы от 21 декабря 2004 года ResDH(2004)85 «О Постановлении Европейского Суда по правам человека от 7 мая 2002 года (вступило в силу 4 сентября 2002 года) по делу Бурдов против России» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 3.

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 27. Ст. 2779.

⁴ См.: Материалы дела № 2-1612/2003 по иску Федорова Б. А. к Управлению социальной защиты города Пскова о понуждении к выплате сумм возмещения вреда, а также об обязанности ежеквартально повышать суммы выплат в возмещение вреда. Псковский городской суд Псковской области, председательствующий судья Каверина Г. П.

⁵ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека по делам: Вассерман против России от 18 ноября 2004 года, Гиззатова против России от 13 января 2005 года, Петрушко против России от 24 февраля 2005 года, Кольцов против России от 24 февраля 2005 года, Гасан против России от 24 февраля 2005 года, Плотноковы против России от 24 февраля 2005 года, Макарова и другие против России от 24 февраля 2005 года, Познахирина против России от 24 февраля 2005 года, Горохов и Русяев против России от 17 февраля 2005 года, Русатоммет против России от 14 июня 2005 года, Тетерины против России от 30 июня 2005 года, Шпаковский против России от 07 июля 2005 года, Малиновский против России от 07 июля 2005 года, Яворивская против России от 21 июля 2005 года, Наталья Герасимова против России от 21 июля 2005 года, Денисенков против России от 22 сентября 2005 года, Шилияев против России от 6 октября 2005 года, Герасимова против России от 13 октября 2005 года, Баженов против России от 20 октября 2005 года, Пархонов против России от 20 октября 2005 года, Шведов против России от 20 октября 2005 года, Федотов против России от 25 октября 2005 года, Кукало против России от 3 ноября 2005 года, Корчагина и другие против России от 17 ноября 2005 года, Герасименко против России от 17 ноября 2005 года, Боброва против России от 17 ноября 2005 года, Толоконникова против России от 17 ноября 2005 года, Валентина Васильева против России от 17 ноября 2005 года, Шестопалова и другие против России от 17 ноября 2005 года, Казарцева и другие против России от 17 ноября 2005 года, Братчикова против России от 17 ноября 2005 года, Сунцова против России от 17 ноября 2005 года, Микрюков против России от 8 декабря 2005 года, Глебов и Глебова против России от 29 ноября 2007 года, Араповы против России от 29 ноября 2007 года, Березкина против России от 29 ноября 2007 года, Болдырева против России от 6 декабря 2007 года, Алексан-

- дрова против России от 6 декабря 2007 года, Харитич против России от 6 декабря 2007 года, Усталов против России от 6 декабря 2007 года, Кривonos против России от 13 декабря 2007 года, Синицына против России от 13 декабря 2007 года, Жидков против России от 20 декабря 2007 и другие.
- ⁶ См.: СМ/Inf/DH(2006)19rev2E/17, October 2006. Non-enforcement of domestic judicial decisions in Russia: general measures to comply with the European Court's judgments — Memorandum prepared by the Department for the execution of the European Court's judgments and first comments by the Russian authorities (Application of Article 46 of the ECHR) [976th meeting].
- ⁷ См.: Федеральный закон от 27 декабря 2005 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “Об исполнительном производстве”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. Ст. 8.
- ⁸ См.: Пункт 16 Меморандума.
- ⁹ См.: *Деменева А. В.* Исполнению не подлежит... // Коммерсантъ-Деньги. 2005. № 37. С. 65–67.
- ¹⁰ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 года по делу Бурдов против России (№ 2) (жалоба № 33509/04).
- ¹¹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2002 года по делу Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации (жалоба № 47095/991) (Третья секция) // Российская газета. 2002. 17 октября; 19 октября.
- ¹² См.: Постановления Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 года по делу Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации (жалобы № 46133/99 и 48183/99) (Третья секция) // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 108–124.
- ¹³ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 ноября 2005 года по делу Худоев (Khudoev) против Российской Федерации (жалоба № 6847/02) (Четвертая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7. С. 57–99.
- ¹⁴ Там же. § 209.
- ¹⁵ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 января 2004 года по делу Кормачева (Kormacheva) против Российской Федерации (жалоба № 53084/99) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 8.
- ¹⁶ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека по делам: Плаксин против России от 29 апреля 2004 года, Еманаква против России от 23 сентября 2004 года, Левшины против России от 9 ноября 2004 года, Ярославцев против России от 2 декабря 2004 года, Раш против России от 13 января 2005 года, Вохмина против России от 9 июня 2005 года, Кузин против России от 9 июня 2005 года, Зименко против России от 23 июня 2005 года, Соколов против России от 22 сентября 2005 года, Федоров и Федорова против России от 13 октября 2005 года, Скоробогачева против России от 1 декабря 2005 года, Саламатина против России от 1 марта 2007 года, Сидоренко против России от 8 марта 2007 года, Савенко против России от 14 июля 2007 года, Зементова против России от 27 сентября 2007 года, Ангелова против России от 13 декабря 2007 года и другие.
- ¹⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 сентября 2008 года № 16 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации конституционного закона “О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов” и федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов”»» (http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=5491).
- ¹⁸ См.: Там же.
- ¹⁹ См.: *Носникова Н.* Международно-правовые стандарты в области судопроизводства: проблемы судебной реформы в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 3(64). С. 122.
- ²⁰ См.: Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2006 года № 583 // Российская газета. 2006. 1 ноября.
- ²¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР действовал на территории Российской Федерации до 1 февраля 2003 года.

- ²² Аналогичные делу Рябых жалобы: Праведная против России от 18 ноября 2004 года, Волкова против России от 5 апреля 2005 года, Росэлтранс против России от 21 июля 2005 года, Васильев против России от 13 октября 2005 года, Кутепов и Аникеенко против России от 25 октября 2005 года, Смарыгин против России от 24 ноября 2005 года и другие.
- ²³ См.: Федеральный закон от 4 декабря 2007 года № 330-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6243.
- ²⁴ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека по делам: Борщевский против России от 21 сентября 2006 года (жалоба № 14853/03), § 42; Довгучиц против России от 7 июня 2007 года (жалоба № 2999/03), § 30; Кот против России от 18 февраля 2007 года (жалоба № 20887/03), § 29; Пшеничный против России от 14 февраля 2008 года (жалоба № 30422/03).
- ²⁵ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека от 26 октября 2000 года по делу Кудла против Польши (*Kudta v. Poland*), (жалоба № 30210/96), ECHR 2000-XI, § 94.
- ²⁶ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека по делам: Новоселов против Российской Федерации от 2 июня 2005 года, Кантырев против России от 21 июня 2007 года, Трепашкин против России от 19 июля 2007 года, Бабушкин против России от 18 октября 2007 года, Гришин против России от 15 ноября 2007 года, Багель против России от 15 ноября 2007 года, Меченков против России от 7 февраля 2008 года, Дорохов против России от 14 февраля 2008 года.
- ²⁷ См.: Interim Resolution ResDH(2003)123 concerning the judgment of the European Court of Human Rights of 15 July 2002, final on 15 October 2002 in the case of Kalashnikov against the Russian Federation, Adopted by the Committee of Ministers on 4 June 2003 at the 841st meeting of the Ministers' Deputies.
- ²⁸ См.: Ibid.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод и реализация ее требований в УИС Российской Федерации через решения Европейского Суда по правам человека / Отдел по соблюдению прав человека в УИС правового управления ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 6.
- ³¹ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека по делам: Трепашкин против России от 19 июля 2007 года, Майзит против России от 20 января 2005 года, Новоселов против России от 2 июня 2005 года, Андрей Фролов против России от 29 марта 2007 года, Гришин против России от 15 ноября 2007 года, Багель против России от 15 ноября 2007 года, Меченков против России от 7 февраля 2008 года, Дорохов против России от 14 февраля 2008 года, Худоеров против России от 12 апреля 2006 года.
- ³² См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод и реализация ее требований в УИС Российской Федерации через решения Европейского Суда по правам человека.
- ³³ См.: § 70, 71 постановления Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 года по делу Смирновы (*Smirnova*) против Российской Федерации.
- ³⁴ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4847.
- ³⁵ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 ноября 2004 года по делу Кляхин (*Klyakhin*) против Российской Федерации (жалоба № 46082/99) (Вторая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 7.
- ³⁶ См.: Обзор нормативных актов и судебной практики, касающихся обеспечения прав человека на свободу и личную неприкосновенность // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 5.
- ³⁷ См.: Постановления Европейского Суда по правам человека более чем по 50 делам, включая Калашников против России, Смирновы против России, Рохлина против России от 7 апреля 2005 года, Нахманович против России от 2 марта 2006 года и другие.
- ³⁸ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2003 года по делу Ракевич (*Rakevich*) против Российской Федерации (жалоба № 58973/00) (Вторая секция) // Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2003 год. М., 2005. С. 72.
- ³⁹ См.: Справка по результатам обобщения практики рассмотрения дел о принудительной госпи-

- тализации гражданина в психиатрический стационар (о продлении срока принудительной госпитализации) и принудительном психиатрическом освидетельствовании. Свердловский областной суд (http://www.ekbobsud.ru/show_doc.php?id=15023).
- ⁴⁰ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 января 2006 года по делу Михеев (Mikheyev) против Российской Федерации (жалоба № 77617/01) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 6.
- ⁴¹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 марта 2006 года по делу Менешева (Menesheva) против Российской Федерации (жалоба № 59261/00) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 11.
- ⁴² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 января 2008 года по делу Маслова и Налбандов (Maslova and Nalbandov) против Российской Федерации (жалоба № 839/02) (Первая Секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2009. № 1.
- ⁴³ См.: *Коротеев К.* Чеченский «юбилей» Страсбурга // Prague Watchdog. 2009. 24 апреля (<http://www.watchdog.cz/?show=000000-000008-000001-000502&lang=2>).
- ⁴⁴ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 года по делу Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации (жалоба № 53203/99) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.
- ⁴⁵ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 октября 2006 года по делу Худобин (Khudobin) против Российской Федерации (жалоба № 59696/00) (Третья Секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11. С. 25–27.
- ⁴⁶ См.: Федеральный закон № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями с изменениями от 18 июля 1997 года, 21 июля 1998 года, 5 января, 30 декабря 1999 года, 20 марта 2001 года, 10 января, 30 июня 2003 года, 29 июня, 22 августа 2004 года, 2 декабря 2005 года, 24 июля 2007 года, 29 апреля, 22, 25, 26 декабря 2008 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349; Федеральный закон № 211-ФЗ от 24 июля 2007 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 4008.
- ⁴⁷ См.: Приказ МВД РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и Минобороны РФ от 17 апреля 2007 года № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // Российская газета. 2007. 16 мая.
- ⁴⁸ См.: *Суворова В.Я.* Реализация норм международного права. Екатеринбург, 1992. См. также: *Международное право: Учеб. для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2003. С. 166.*
- ⁴⁹ См.: Положение об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе министра юстиции Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 года № 310 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1540.
- ⁵⁰ См.: *Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И.* Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. М., 1996. С. 17.
- ⁵¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 декабря.
- ⁵² См.: *Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / Под ред. А.Л. Буркова.* Екатеринбург, 2006. См. также: *Burkov A.* The Impact of the European Convention on Human Rights on Russian Law. Stuttgart, 2007.
- ⁵³ См.: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека Свердловской области «Европа нас рассудит? Анализ практики Европейского Суда по правам человека по делам заявителей из Свердловской области и вопросы исполнения постановлений Европейского Суда по пра-

- вам человека в Российской Федерации». Екатеринбург, 2009 (<http://ombudsman.midural.ru/files/4a5b0d17ad63f.doc>).
- ⁵⁴ См., например: Европейский Суд по правам человека: Избранные постановления 1999–2001 гг. и комментарии / Под ред. Ю. Ю. Берестнева, А. О. Ковтуна. М., 2002; Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация: Постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 года / Отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. М., 2005.
- ⁵⁵ См.: *Берестнев Ю. Ю.* Распространение решений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 16.
- ⁵⁶ См.: В отношениях с Европейским Судом мы должны иметь улицу с двусторонним движением // Российская газета. 2005. 6 апреля.
- ⁵⁷ См.: *Деменева А. В.* Мониторинг привлечения к ответственности должностных лиц, виновных в нарушении норм Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в Российской Федерации (http://sutyajnik.ru/erm/osi/sud_dela/ES/analiz_resheni.html).
- ⁵⁸ См.: Нижегородская прокуратура отсудила у оперативников, пытавших сотрудника ДПС, 8,5 миллиона рублей // NEWSru.com. 2009. 26 января (<http://www.newsru.com/russia/26jan2009/delomih.html>).